

ИГРЫ СО СМЕРТЬЮ

Те, кто подлинно предан философии, заняты на самом деле только одним - умиранием и смертью.

Платон¹

Пожалуй, все великие философы прошлого оставляли нам свои размышления на тему смерти. Философские определения смерти многочисленны и разнообразны. Смерть есть благо (Сократ), смерть есть освобождение бессмертной души от смертного тела (Платон), смерть есть разрыв связей между душами в теле (даосизм), смерть есть неотъемлемая часть приносящей страдания жизни (буддизм), смерть есть гибель души и тела, не имеющая отношения к жизни (Эпикур), смерть есть освобождение от страха жизни (Сенека), смерть есть наказание за грехи (Августин), в бесконечной Вселенной смерть невозможна (Дж. Бруно), ни одно живое существо не погибает окончательно, оно лишь превращается (Лейбниц), смерть есть истинная цель жизни (Шопенгауэр), смерть есть единственный результат и действие всеобщей свободы (Гегель), жизнь есть бытие-к-смерти (Хайдеггер), человек и смертный - синонимы (В.С.Соловьев), смерть есть деперсонализация сознания (В.В.Налимов), смерть есть фундаментальный символ сознания (М.К.Мамардашвили) и т.д.²

Проблема смерти - одна из «вечных» и наиболее мучительных для человечества - является одной из актуальных и «модных» для гуманитарной мысли Запада последних десятилетий. Смерть в разных аспектах анализировали Ж. Бодрийяр и М.Фуко, Ж. Батай и А. Кожев, В. Янкевич и Ф. Арьес, М. Вовель и М. Бланшо, Б.Уильямс и М.Унамуно. В 80- 90-х годах XX века эта тема вновь стала предметом размышлений отечественных философов и культурологов. Появились первые монографии (А.Демидов, И.Вишев, С.Таганцев), тематические сборники статей («Фигуры Танатоса»), стали проводиться конференции (последняя на тему «Идея смерти в российской ментальности» была организована ИФ РАН), вышла даже энциклопедия смерти (А.Лаврин). Почему же именно эта проблема столь активно обсуждается в академических кругах и вызывает интерес среди молодежи? Что именно стоит за интересом к теме смерти? Как соотносить современные академические дискурсы смерти и взгляды на эту проблему, сложившиеся в мировой философии? Наконец, каковы же перспективы и пути будущего развития данных сюжетов?

Очевидный факт: обращение к теме смерти будет существовать всегда как

¹ Платон. Фелон. // Собрание сочинений. В 4-х тт. М., 1993. Т.2. С.14.

² Более подробно см.: Сабиров В.ИИ. Жизнь. Смерть. Бессмертие. (обзор основных религиозно-философских парадигм). // Человек. - М., 2000. - № 5, 6.

один из способов самосознания человека. Второй очевидный факт: усиление эсхатологических настроений перед окончанием века и вступлением в третье тысячелетие. Косвенно интерес к проблематике смерти указывает на кризисное состояние социума. В-третьих, активное обсуждение данной темы - показатель выработки обществом новых дисциплинарных практик и нового отношения к повседневности, для которой, пожалуй, именно онтологический, гносеологический и аксиологический статус смерти является определяющим. Для России же массовые смерти за последние десять лет стали одной из реальностей повседневной жизни: война в Чечне и межнациональные конфликты, политические события 1991-1993 гг., резкое падение средней продолжительности жизни населения. Возможно, именно это и стимулировало, и, одновременно, сдерживало академический интерес к теме смерти: как известно, в доме повешенного не говорят о веревке.

Социокультурный аспект. Положение смерти в современном обществе двойственно. В повседневной жизни реально происходящая смерть человека (смерть-факт) незаметна и незначима. Знать о скорой предстоящей смерти, говорить о ней и носить траур по умершему становится просто неприлично. Человек как бы играет в прятки со смертью. Одновременно с этим о смерти говорят средства массовой информации, ведутся медицинские и юридические дебаты, исследуется отношение людей к этой проблеме, смерть воспринимается как событие. Это уже другой вид игры: жмурки. Мы пытаемся поймать смерть, предварительно закрыв глаза от страха и отвращения.

Современный человек пытается изгнать смерть из своего сознания. С этим связана вся эволюция современной ритуализации процесса умирания и похорон. Умиравший все более активно скрывается от семьи в больницу, где ему предоставляется возможность умереть в одиночестве под контролем профессионалов смерти - врачей. Мишель Фуко показал, что фундаментальным сдвигом в отношении к человеческому организму было открытие болезни как работы смерти, оставляющей свои следы в живом теле.³ Через это смерть оказалась распределенной в пространстве и во времени. Похороны становятся все более быстрыми и формальными, количество провожающих покойного в последний путь сокращается в крупных городах до узкого круга членов семьи, а деятельность работников погребальной конторы (имеющих иногда даже особую униформу) своей четкостью и слаженностью нередко вызывает у участников траурной церемонии сугубо эстетическое восхищение.

С другой стороны, не менее очевидна тенденция экспонировать смерть, сделать ее непрямым мотивом современных зрелищ. Сокрытие смерти происходит в современной культуре именно в формах зрелища смерти, но не созерцания трупа. М.Ямпольский считает, что созерцание человеком трупа разрушает иллюзию фиктивности смерти и утверждает необратимость последней.⁴ Поэтому в кино и телефильмах трупы «прячутся», бесследно исчезают, а зритель, пережи-

³ Фуко М. Рождение клиники. М., 1998. С.56.

⁴ Ямпольский М. Смерть в кино. // Искусство кино. - 1991. - № 9. С.53-63.

вая смерть героя как собственную смерть, подпитывается иллюзией бессмертия.

Почему же человек столь боится трупа? С трупом нельзя взаимодействовать, от него нельзя получить ответ. Труп становится инертным объектом, знаком. Но обозначает труп не столько человека (покойного), а нечто иное, чуждое человеческому сознанию (чистую тленность). Здесь мы непосредственно наблюдаем резкое и радикальное превращение в «свое иное», которое не фиксируется при жизни. Эта двойственность (покойный - человек и не-человек одновременно) и вызывает изначальный страх, переводимый потом в формы рефлексии над собственной смертностью и необратимости жизненных процессов. Поэтому и страх перед прикосновением к покойнику связан с осознанием его инертности, вещности, смертности (не-человековости), когда через тактильные ощущения в сознание человека вторгается небытие. Мертвое тело - симулякр человека, имитирующий живого посредством бальзамирования и гримирования. (Здесь можно вспомнить, что Э.Фромм считал излишнюю страсть к гриму и макияжу одним из проявлений некрофилии.)

Всякая человеческая группа мыслит себя и строит себя как организованное целое, как некий порядок. В этом качестве группа утверждает себя как мир культуры, как «цивилизованность»; тем самым группа определяет себя по отношению к иному, чем она сама: хаосу, бесформенности, дикости, варварству. Аналогичным образом каждому обществу приходится столкнуться с самой радикальной формой иного, с предельным отсутствием формы, с полным небытием - всем тем, что составляет феномен смерти. И обществу нужно тем или иным способом интегрировать его в свое сознание и институциональные практики. Мертвые нужны живым как участники управления социальными силами и процессами. Поэтому общество вырабатывает свою политику и идеологию смерти, определяет социально приемлемые и порочные виды ухода из жизни, назначает экспертов, контролирующих процессы умирания и погребения, а также вырабатывает санкции, карающие за несоблюдение данных норм.⁵

В эпоху Просвещения усилиями науки сформировалось понимание смерти как явления природного, профанного и необратимого. Однако подобная трактовка смерти вступает в противоречие с принципами буржуазной рациональности, основанной на всемогуществе человеческого разума, способности смоделировать любой аспект действительности, преобразовать мир для достижения господства человека над природой. Мексиканский писатель и культуролог Октавио Пас проанализировал этот парадокс в своей теории Несчастливого Случая. Смерть все более воспринимается как явление неестественное, вызванное чьей-то злой волей, катастрофическое наваждение. В современной культуре юрисдикция общества распространяется на все процессы, в которые включен человек, в том числе и на смерть. Death-control выражается и в форсированном поддержании жизни ради жизни, в распространении идеи безопасности как ключевой, поддерживаю-

⁵ См. Вернан Ж.-П. Индия, Месопотамия, Греция: три идеологии смерти. // Новое литературное обозрение. № 33(1998). С. 22-30. В этом же номере в качестве иллюстрации к сказанному работа О.Матич. Успешный мафиозо - мертвый мафиозо: культура погребального обряда. (С. 75-108)

шей силы общества, и в моратории на смертную казнь, в особых «мотелях для самоубийства». Происходит социализация смерти, она превращается в одну из многочисленных услуг, оказываемых обществом. Человеку не дозволяется умирать как ему хочется, он лишь волен жить как можно дольше.

Акцент на безусловную ценность жизни в современной культуре неизбежно влечет и к изменению культурного образа смерти. Смерть воспринимается как роковая неудача, как расплата за нарушения рекомендаций общества и власти, как досадная остановка конвейера потребления и наслаждения. Жизнь превращается в жизненный капитал, процесс накопления которого определяют наука и биомедицинская техника. В результате теряется прежний социальный статус старости, которая начинает рассматриваться как упреждающая социальная смерть. Современная естественная смерть (от старости) едва ли не смешна. И лишь насильственно-катастрофическая смерть значима, поскольку лишь она дает обществу возможность страстно заинтересоваться собой и испытать чувство преображения и искупления.

Смерть от несчастного случая интересна именно как не-естественная, преднамеренная, имеющая смысл и способность эстетически дублироваться в воображении. Как писал Жан Бодрийяр, «Мы все заложники - вот в чем секрет захвата заложников, и мы все мечтаем не просто тупо умереть от износа, а *принять и подарить* свою смерть... Смерть имеет смысл только будучи дарована и принята, то есть социализирована через обмен. При первобытном строе все делается для того, чтобы так и было. Напротив, в нашей культуре все делается для того, чтобы смерть ни к кому не приходила от *кого-то* другого, а только лишь от «природы», как некий безличный срок износа тела.»⁶

Любая смерть или насилие, не подчиняющиеся государственной монополии, носят подрывной характер - это прообраз упразднения самой власти. Отсюда - завораживающее воздействие на общество серийных убийц, сексуальных маньяков, самоубийц. Порядок удерживает смерть, но не может играть ею - и побеждает лишь тот, кто делает смерть ставкой в игре против него.⁷

Стремясь настойчиво отчистить от смерти все сферы жизни, общество непроизвольно способствует растеканию смерти по всей поверхности жизни, стремясь не только превратить смерть в несерьезность (создать своеобразный Deathнейлэнд), но и поставить под контроль естественность смерти.

Жан Бодрийяр в работе «Символический обмен и смерть» отмечает, что «сегодня быть мертвым - ненормально, и это нечто новое. Смерть выводится обществом за рамки, «мертвым больше не отводится никакого места, никакого пространства / времени, им не найти пристанища, их теперь отбрасывают в радикальную у-топию - даже не скапливают в кладбищенской ограде, а развеивают в дым.»⁸ Смерть становится своеобразной демаркационной линией, затрагиваю-

⁶ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С.294.

⁷ См. Мальцева А.П. Сексуальный маньяк как герой культуры и культурный герой. // Человек. - 2000. - № 4. С.109-127.

⁸ Бодрийяр Ж. Ук.соч., с.256.

шей как мертвых, так и живых.

Вытеснение смерти за рамки жизни (через сегрегацию мертвых и эксперименты с бессмертием) является не только атрибутом власти и подтверждением статуса влиятельных социальных групп, но и самим моментом возникновения власти как средства контроля за соблюдением запрета на смерть. Жрецы и шаманы, как известно, обладали исключительным правом контроля отношений с мертвыми. Власть формируется как инстанция в точке разрыва между взаимообменом жизни и смерти, субъектом и его телом, человеком и его отделенным от него трудом. Все инстанции подавления и контроля возникают в момент зависания между жизнью и ее концом, то есть в момент выработки искусственной темпоральности в разрыве неделимого единства жизни и смерти. Все будущие формы отчуждения коренятся в этом отделении смерти.

Поиски бессмертия в современном обществе связаны и со стремлением разрешить проблему идентичности человека: в поисках собственной подлинности мы обращаемся к модусам нашего существования, желая через них удостовериться в том, что мы есть. Смерть Бога приводит к потере идентичности Я и открывает возможность для бесконечной цепочки идентификационных подмен, когда Я возвращается в непрерывно обновляющихся обличьях. Вечное возвращение превращается в своего рода вечную войну симулякров. По сути дела, само появление симулякров, копий, имитаций становится возможным именно в силу смерти Бога, более не обеспечивающего стабильность и иерархичность знака, полноту его смыслового наполнения в мире, лишенном верха и низа, хорошего и дурного. Вечное возвращение, по выражению А. Вайсса, знаменует собой «мировую афазию», тотальную невозможность языкового самовыражения. Мы, на какой-то момент теряющие в момент смерти Другого свое собственное Я, теряем возможность соотносить себя с покойным, ставшим симулякром человека. Но одновременно мы вынуждены искать новую идентичность, перестраивая сформировавшуюся в сознании систему, заполняя возникшую пустоту кем-то другим.

Каждый умирает в одиночку. Каждый умирает впервые (Э.Ионеско) Отвечаю ли я за собственную смерть? Кто отвечает? Общество пытается отобрать у человека и возложить на себя бремя ответственности за смерть. Почему? Кому нужно бессмертие? Человеку оно не нужно, ибо делает жизнь скучной, пустой и лишенной всякого смысла, настоящей.⁹ Зачем нужно бессмертие обществу? Неужели жизнь действительно приобретает статус предпосылки машинного разума и вместо субстанции становится акциденцией, а человек теряет свой статус субъекта развития и превращается в компонент машинной цивилизации?

Философский аспект. Представляет ли смерть собой философскую проблему? Вспомним Платона: в смерти познавать нечего. «Ни солнце, ни смерть не даются пристальному взору» (Ларошфуко). Предмет танатологии гносеологиче-

⁹ См. Б. Уильямс. Средство Макрополуса. лекарство от скуки бессмертия. // Проблема человека в западной философии. М., 1988. Вспомним Мандельштама: «Неужели я настоящий, и действительно, смерть придет?»

ски непредставим, ибо присутствие смерти фиксируется лишь косвенно и апофатически. Мысль о смерти - псевдо-мысль, а мыслить ничто - вообще не мыслить. Поэтому философские размышления о смерти - это размышления над смертью, по поводу смерти. И все же тема смерти притягательна для философа. Смерть сама по себе - вызов. Вызов разуму, жизни, мышлению, человеку. Поэтому философу легко сочинить панегирик смерти. Она необходима, необъяснима и сугубо индивидуальна. Она неожиданна, как бы ты не был готов к ней. Она безотлагательна, ибо не дает отсрочки. Она - сама искренность, ибо не терпит уловок и любезностей. Она есть подлинная глубина жизни. Следовательно, она - миф?

В рамках философии сформировались несколько традиционных рассмотрений проблемы смерти: смерть как особая реальность и форма жизни (религиозно-мифологическая традиция), смерть как небытие (светско-материалистическая традиция), смерть как метафизическое зло, могущее быть устраненным (религиозно-светская традиция). Очевидно, что основа различий - проблема соотношения жизни и смерти. Если в религиозно-мифологической традиции смерть мыслилась как «иная жизнь», т.е. как разновидность жизни, то в светско-материалистической традиции смерть и жизнь окончательно противопоставляются друг другу, смерть выносится за рамки жизни. При этом в западной философии смерть традиционно понимается как конституирующий фактор существования человека, как предельное основание его свободы. Трактовка смерти как символа мышления получает эксплицитную разработку у Гегеля, согласно которому смерть является жизнью, рождением духа. Конечно, в гегелевской феноменологии как науке об опыте сознания дух не есть смерть, а снятие живого: дух живет как переживающий, но, в сущности, он мертв. В этом смысле западную философию можно интерпретировать как бесконечный опыт смерти, переживание которого должно раскрыть человеку его собственную конечность, в «присутствии» которой жизнь становится осознанной, является «жизнью Духа» (Гегель), то есть жизнью собственно человеческой, способной достигнуть своей полноты и завершенности.¹⁰

Оказавший огромное влияние на постмодернистскую интеллектуальную традицию психоанализ также обосновывал силы Танатоса через первичность смерти: «Если мы признаем как не допускающий исключения факт, что все живое умирает, возвращается в неорганическое, по причинам внутренним, то мы можем лишь сказать, что цель всякой жизни есть смерть, и, заходя еще дальше, что неживое существовало прежде живого... (Наши инстинкты), эти сторожа жизни, первоначально были спутниками смерти.»¹¹

Колебания западной мысли между диалектизацией смерти как негативности и рационалистической задачей отменить смерть (одолесть ее усилиями науки и техники как «реакционное», мешающее жизни) пытается снять постмодернистская философия через «веселое утверждение смерти». Действительно, с легкой руки Ницше, объявившего о смерти Бога, постмодерн утверждает как ценность и

¹⁰ См. Кожев А. Идея смерти в философии Гегеля. М., 1998

¹¹ Фрейд З. «Я» и «Оно». Работы разных лет. Тбилиси. 1991. Т. I. С. 168-169.

основание свободы смерти: смерть субъекта, автора, человека. При этом ясно осознается, что утверждение смерти является протестом против безжизненности и омертвелости современного общества, что оппозиция «жизнь / смерть» должна быть преодолена другой оппозицией «жизнь / безжизненность».¹²

Подлинно человеческое существование предстает, таким образом, как существующее сознание смерти или как смерть, осознающая себя: человек, будучи конечным по самой своей сущности, только в сознательном принятии факта своей конечности достигает смысла своего существования, который, таким образом, становится неотличим от смысла смерти. Приближаясь к смыслу смерти, человек понимает, что только его конечность является условием его абсолютной свободы, освобождая его не только от имманентного мира, но и от всякой трансценденции, от бесконечного и вечного бытия, которым был бы Бог, если бы человек был бы смертен.

В русской философии отношение к смерти связано с пониманием смерти как метафизического зла, которое можно преодолеть на основании любви и солидарности поколений. Так, например, с точки зрения В.С.Соловьева, именно через любовь человек проходит путь к самоутверждению, переживая бесконечность и безусловность Другого. Любовь, в таком понимании, становится своеобразным прижизненным опытом смерти - выходом человека за пределы своего Эго, иррациональным скачком в трансценденцию. Таким образом, смысл человеческого существования достигается в любви как утверждении бесконечности Другого, а не в полном понимании факта своей конечности. Если западная философия есть подготовка к смерти, то философию В.С. Соловьева можно назвать подготовкой к любви. Онтологическая структура действительности требует единства и нравственной солидарности. Готов ли современный человек, воспитанный на идее сверхиндивидуализма, к осуществлению этой «Утопии»? Ведь человечество в настоящее время переживает острый кризис - кризис способности желать.

Характерная особенность любого желания - его обратимость и повторяемость. Поэтому смерть в настоящее время может быть понята как единственное желание, само осуществление которого ставит предел человеку. Возможно, что распространение наркотиков и СПИДа отражают одно из самых страстных и потому неосуществимых желаний: превратить смерть в объект осознанного желания, оставив бессмертие другим. Соблазн выбора смерти. Игра со смертью. Не слишком ли далеко зашло человечество? Чем расплатимся мы за несерьезное отношение к жизни?

¹² Янклевский В. Смерть. М., 1999. Анализ постмодернистских взглядов на проблему смерти см.: Демичев А.Б. Дискурсы смерти СПб., 1997.